

Berger, Olga

Словосочетание и синтагма в русских и чешских грамматиках

In: Berger, Olga. *Синтаксические термины в русском и чешском языках : сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов)*. Izdanije prvoje Brno: Masaryk University Press, 2021, pp. 41-53

ISBN 978-80-210-9807-7; ISBN 978-80-210-9808-4 (online ; pdf)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/143734>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

2 СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СИНТАГМА В РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГРАММАТИКАХ

Для анализа терминов *словосочетание* и *синтагма* в русском и чешском языке мы воспользовались следующими источниками:

Грамматика русского языка 2 тт. Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954.

ЛЕКАНТ, П. А. – КЛОБУКОВ, Е. В. – МАРКЕЛОВА, Т. В. – МОНИНА, Т. С. – САМСОНОВ, Н. Б. *Современный русский язык. Учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования педагогического профиля*. Под редакцией П. А. Леканта. Москва: Дрофа, 2001.

СВЕТЛИК, Я.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким*. Bratislava: SPN, 1970.

BAUER, J.: *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma*. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1952, vol. 1, iss. A1, s. 26-57.

DANEŠ, F. – HLAVSA, Z. – GREPL, M.: *Mluvnice češtiny 3 – Skladba*. Praha: Academia, 1987.

FLÍDROVÁ, H. – ŽAŽA, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc, 2005.

GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Складба spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986.

KUBÍK, M. a kol.: *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN, 1982.

В качестве дополнительных источников нами привлекались русские и чешские словари лингвистических терминов.

2.1 Словосочетание и синтагма в русской грамматической традиции

Одним из спорных вопросов для синтаксистов является проблема словосочетания. Сложности возникают уже при дефиниции словосочетания, потому что подход лингвистов к определению словосочетания отличается, в результате возникает терминологическая путаница. Решение вопроса о том, что входит в понятие *словосочетание*, является особо важным в преподавании синтаксиса.

Основными дискуссионными проблемами теории словосочетания можно считать следующие:

- существует ли словосочетание вне предложения, в которое оно входит как «строительный материал», или же оно вычленяется из предложения наряду с другими сочетаниями слов (подход «сверху» – от предложения и подход «снизу» – от слова) (Babajceva, Maksimov, 1987, s. 43).
- что считать словосочетанием? Любое ли сочетание слов следует признавать словосочетанием?

В зависимости от ответа на первый вопрос выделяются разные отличительные признаки словосочетания. Авторы, склоняющиеся к тому, что словосочетание вычленяется из предложения, подчеркивают признаки словосочетания, сближающие его со словом, словоформой; лингвисты, полагающие, что словосочетание может существовать вне предложения, акцентируют внимание на сопоставлении с другими сочетаниями слов.

Для ответа на второй вопрос лингвисты, как правило, пытаются определить, какой вид связи лежит в основе словосочетания (только подчинительная или сочинительная и подчинительная), и следует ли включать в число словосочетаний пару сказуемого и подлежащего.

От решения этого вопроса зависит разграничение понятий *предложение* и *словосочетание*: «При положительном решении вопроса, т. е. признании существования предикативных словосочетаний, предложение может оказаться частным случаем словосочетания или, что то же самое, словосочетание само по себе может быть предложением; наоборот, при отрицательном решении вопроса, т. е. непризнании существования предикативных словосочетаний, между предложением и словосочетанием устанавливается резкая грань» (Valgina).

Разногласия в том, что считать словосочетанием, зафиксированы и в словарях лингвистических терминов. Так в словаре О. С. Ахмановой мы встречаемся с более широкой трактовкой словосочетания, чем в ЛЭС. Ахманова выделяет два значения термина *словосочетание*: 1. Соединение

двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления.

2. Любой вид грамматического сочетания полнозначных слов. (Achmanova, 2004).

В ЛЭС представлено узкое понимание словосочетания: «синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – *согласования, управления* или примыкания. Грамматически и семантически главенствующее слово составляет стержневой (главный) компонент словосочетания, грамматически подчиненное слово – его зависимый (подчиненный) компонент. По стержневому компоненту словосочетания подразделяются на субстантивные (стержневое слово – существительное), адъективные (стержневое слово – прилагательное), глагольные и наречные. Словосочетание служит средством *номинации*, обозначая предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым компонентом и уточняемые, конкретизируемые зависимым компонентом («*зеленый абажур*», «*читать книгу*», «*весело шагать*», «*очень близко*»). Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или иного вида присловной подчинительной связи» (Lingvitičeskij ènciklopedičeskij slovar'). Таким образом сочинительные конструкции, сочетание подлежащего со сказуемым выносятся за рамки словосочетания.

Обратимся к истории изучения словосочетания. Русский термин *словосочетание* вводит в научный обиход А. Х. Востоков. В первых оригинальных русских грамматиках (*Российская грамматика* М. В. Ломоносова, 1755; *Русская грамматика* А. Х. Востокова, 1831) важнейшим разделом в описании грамматики являлось учение о закономерностях соединения слов, поэтому большое внимание уделялось описанию сочетаний слов разных частей речи (например, сочетание существительного и прилагательного, сочетание глагола и наречия и т. д.), но словосочетание как особая синтаксическая единица не рассматривалось. В более поздних грамматиках центральное место в синтаксисе стало занимать предложение и учение о членах предложения.

Новый поворот к словосочетанию в русской синтаксической традиции напрямую связан с именем Ф. Ф. Фортунатова, представителя Московской фонетической школы и формального направления в синтаксисе. Ф. Ф. Фортунатов рассматривает словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу, считает его главным предметом изучения синтаксиса, а предложение для него – всего лишь разновидность словосочетания («законченное словосочетание»). В своей работе Фортунатов

пишет, что словосочетание – это «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или его части» (Fortunatov, 1957, s. 451). Под влиянием фортунаатовской школы словосочетание стали рассматривать как группу (чаще пару) грамматически связанных словоформ, выделяемую из предложения (такое понимание характерно для общей европейской синтаксической традиции), что полностью соответствует понятию *синтагма*.

А. М. Пешковский еще шире понимает словосочетание: «Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли» (Peškovskij, 1956, s. 35).

Внес свой вклад в разработку теории словосочетания и А. А. Шахматов (*Синтаксис русского языка*, 1941). Он определяет словосочетание как «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других» (Šachmatov, 1941, s. 274). По Шахматову, синтаксис словосочетаний занимается главным образом второстепенными членами предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу, тогда как синтаксис предложения занимается главными членами предложения в их отношении к предложению или во взаимном отношении друг к другу. Предложение тоже является словосочетанием, но словосочетанием законченным, а остальные словосочетания характеризуются как незаконченные. Словосочетания распадаются на два вида: независимые, в которых господствующее слово выступает в независимой форме (подлежащее двусоставного предложения или главный член односоставного предложения плюс грамматически связанное с ними слово), и зависимые, в которых господствующее слово выступает в зависимой форме (все остальные словосочетания). Как показывают эти рассуждения Шахматова, словосочетания выделяются им из предложения. Сочетание подлежащего со сказуемым не включается в число пар, образующих словосочетание, поэтому грамматическая связь между обоими главными членами изучается в синтаксисе предложения (Valgina, 2002, s. 352).

Теория словосочетания позднее разрабатывалась в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, В. А. Белошапковой и других лингвистов.

Рассмотрим, как понимается термин *словосочетание* в отдельных русских грамматиках.

В *Грамматике русского языка* (1954) (далее AG-54) авторы оперируют термином *словосочетание*.

Считается, что словосочетание относится «к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и рас-

члененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие, как уже было сказано выше, не менее, чем из двух полных слов, являются строительным материалом для предложения» (AG-54, 1954, s. 10).

Словосочетание признается синтаксической единицей: «в синтаксис, кроме учения о предложении, кроме правил составления предложений или соединения слов в предложения, входит и описание видов словосочетаний, описание способов сочетания слов в предложении» (AG-54, 1954, s. 6).

Структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания. (...) Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т. е. оно обладает системой форм (AG-54, 1954, s. 11).

Авторы грамматики выступают против деления словосочетаний на предикативные и непредикативные, по их мнению, это смешение вопросов изучения словосочетания с учением о структуре предложения. В то же время подчеркивается важность выделения типов словосочетаний по части речи стержневого слова: именные (субстантивные и адъективные), глагольные и наречные (или адverbиальные). Это важно, потому что «есть синтаксические связи, типичные для отдельных частей речи» (AG-54, 1954, s. 13).

Еще более подробно В. В. Виноградов разрабатывает вопрос словосочетания в *Вопросах синтаксиса русского языка (1950)*, где он последовательно разграничивает понятия *словосочетание* и *предложение*, полемизируя с представлениями Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова. «Словосочетание и предложение – понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение – вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводимо из словосочетания.

Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится так же, как и слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения. Оно так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же – произведение из этого материала, содержащее сообщение о действительности. Словосочетание в русском языке, если оно не представляет собой фразеологического сращения или фразеологического единства, т. е. неразложимого семантического образова-

ния, свободно дробимо на слова и представляет собой продукт семантического распространения слова. Оно складывается из «частей речи», но реализует все многообразие своих смысловых возможностей в предложении» (Vinogradov, 1950, s. 38).

«Словосочетание – это сочетание слов, организованное по законам данного языка и выражающее какое-нибудь понятие, хотя и сложное, и способное служить его обозначением. Это свободный эквивалент фразеологической единицы» (Vinogradov, 1950, s. 42).

В *AG-54* словосочетания классифицируются по частеречной принадлежности главного слова. Эта традиция берет начало от *Российской грамматики* М. В. Ломоносова. Авторы рассматривают словосочетания с глаголом в роли главного слова, словосочетания с именем существительным в роли главного слова, словосочетания с именем прилагательным в роли главного слова, словосочетания с местоимением в роли главного слова, словосочетания с именем числительным в роли главного слова, словосочетания с наречием в роли главного слова. В рамках каждого типа выделяются многочисленные разновидности, каждая из которых получает наименование по конкретному элементу, который входит в словосочетание (напр., словосочетания с зависимым словом – именем существительным в родительном падеже, словосочетания с предлогом из, беспредложные глагольные словосочетания с именами существительными и др.). Для называния разновидностей используются номенклатурные наименования.

У П. А. Леканта словосочетание наряду с предложением – основная единица синтаксиса. Словосочетание – это непредикативное соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи, которое служит для расчлененного обозначения сложного явления действительности: *заботливый друг, верность долгу, беречь мир, крепко любить*. В словосочетании имеется грамматически господствующее слово – главный, стержневой компонент и грамматически подчиненное слово – зависимый компонент» (Lekant, 2001, s. 249).

П. А. Лекант особо подчеркивает наличие грамматической подчинительной связи, в *AG-54* в определении это так не акцентируется. П. А. Лекант обращает внимание на двучленность словосочетания, говорит о наличии в нем главного и подчиненного членов. И В. В. Виноградов, и П. А. Лекант считают словосочетание синтаксической единицей.

В русских анализируемых грамматиках мы не встретились с термином *синтагма*, там мы имели дело с устоявшимся термином *словосочетание*, которым обычно оперируют лингвисты. Термин *синтагма*, как правило, не так распространен и чаще используется в другом значении.

Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой фиксирует термин синтагма сразу в шести значениях: СИНТАГМА *англ.* syntagma, *фр.* syntagme.

1. Двучленная структура, члены которой соотносятся как определяемый (Т) и определяющий (Т¹), причем этими членами могут быть как слова, так и морфемы; сложнообразованный знак речи, в котором функции отождествления – различения распределяются между составляющими его элементами, которых (элементов) вследствие бинарного характера синтагмы нормально два. *Синтагма бинарная.*
2. Результат данной фразировки, результат синтактико-стилистического членения (сегментации) фразы.
3. То же, что речевое звено.
4. Слово как предельный элемент словосочетания (соотв. предложения) в его отношении к другим таким же элементам, т. е. словам, входящим в то же комплексное синтаксическое единство.
5. То же, что синтагма внутренняя.
6. То же, что словосочетание. (Achmanova, 2004).

ЛЭС выделяет 2 значения *синтагмы* и определяет этот термин так: «(от греч. σύνταγμα, букв. – *вместе построенное, соединённое*) – 1) интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения. Л. В. Щерба определил синтагму как фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли. В решении вопроса о членении речевого потока он исходил из единства смысловой и звуковой сторон языка при доминирующей роли первой. Поскольку синтагму составляют слова, тесно связанные по смыслу, она обычно представляет собой и синтаксическое единство. Так, в отдельные синтагмы выделяются обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции и т. п. Однако совпадение синтаксического и синтагматического членения необязательно. Разное синтагматическое членение одного предложения создаёт различные высказывания, передающие тонкие оттенки смысла и выражающие отношение говорящего к сообщаемому факту (...).

2) Последовательность двух (или более) языковых единиц (морфем – «дом-ик», слов – «старый дом», словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи (например, определительной). Употребление термина «синтагма» в этом значении восходит к Ф. де Соссюру» (*ЛЭС*).

В определении из *ЛЭС* особенно ярко проявляется характерная для русской лингвистической традиции трактовка синтагмы как термина,

связанного с описанием фонетического строя языка, в отличие от чешского подхода, при котором под термином *syntagma* понимается именно синтаксическая единица.

Следуя этим определениям словарей, очевидно понимаем, что *словосочетание* и *синтагма* в русской синтаксической традиции – разные термины, они не являются синонимами.

2.2 Словосочетание и синтагма в работах чешских и словацких русистов

По Р. Зимеку, который для учебника *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским* разрабатывал раздел, посвященный словосочетаниям и синтаксическим отношениям, «слова и словоформы, связанные синтаксическими отношениями и оформленные определенным типом связи, образуют словосочетания. Это минимальные синтаксические единицы – элементы внутренней структуры предложения. В отличие от предложения, словосочетание не является коммуникативной единицей, но, функционируя в предложении, только в его составе и через него входит в систему коммуникативных единиц языка» (Zimek In: Kubík a kol., 1982, s. 32).

В учебнике представлено несколько классификаций словосочетаний, поэтому именно здесь мы встречаемся с самой многочисленной терминосистемой с базовым термином *Словосочетание*.

Словосочетания: свободные словосочетания; несвободные словосочетания

Словосочетания: простые словосочетания; сложные словосочетания

Словосочетания: глагольные словосочетания; субстантивные словосочетания; адъективные словосочетания; наречные словосочетания; словосочетания с предикативом

Трактовка *словосочетания* в учебнике Г. Флидровой и С. Жажи похожа на трактовку, представленную в учебнике под редакцией М. Кубика: авторы считают словосочетание составной частью, элементом внутренней структуры предложения (Flídrova, Žaža, 2005, s. 18). В состав словосочетаний входят компоненты, объединенные как сочинительной, так и подчинительной связью.

В данном учебном пособии подробно не разбирается типология словосочетаний, авторы только указывают, что существуют синтаксически нечленимые словосочетания.

В учебнике Я. Светлика *Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким* (1970) проблеме соотношения *словосочетания* и *синтагмы* посвящен целый параграф. Сам Я. Светлик использует термины *синтагма* и *словосочетание* «как равнозначные, т. е. для обозначения свободного сочетания

двух или более полнозначительных слов, образующих определенное смысловое целое» (Svetlík, 1970, s. 33). При описании данной синтаксической единицы автор предпочитает употреблять термин *синтагма* (соответственно выделяет *предикативные, детерминативные, объектные, предикативно-детерминативные синтагмы*).

Из представленных определений следует, что *словосочетание* чешскими и словацкими русистами понимается широко, в их число включаются не только непредикативные подчинительные словосочетания, но предикативные словосочетания, т. е. подлежащее + сказуемое, а также группы слов, объединенные сочинительной связью – однородные члены предложения.

Чешские русисты в проанализированных нами учебниках не используют термин *синтагма*, однако можно отметить, что для чешской русистики все-таки характерно разграничение терминов *синтагма* и *словосочетание*, под *синтагмой* понимается синтаксическая единица (формально-грамматическая), словосочетание рассматривается скорее как единица лексики (семантико-грамматическая единица) (Flídřová, 2012).

2.3 Словосочетание и синтагма в работах чешских богемистов

В чешских грамматиках и учебниках синтаксиса теории словосочетания не уделяется такого внимания, как в русских. В грамматиках Ф. Травничека, Ф. Копечного, В. Шмилауера отсутствует специальный раздел, посвященный словосочетанию. В других грамматиках при описании словосочетания встречаются терминологические разногласия и несогласованность. Как выявилось на практике при анализе терминов в чешских грамматиках, проблема терминологической несогласованности в трудах богемистов (и словакистов) назрела достаточно давно. В чешской и словацкой литературе термины *slovní spojení* и *syntagma* (*sklad, větná dvojice* и *syntagma* в словацком языке) зачастую используются как синонимы (Svetlík, 1970, s. 33). Об этом терминологическом разногласии известно и чешским, и словацким лингвистам. В своей статье Я. Бауер *Několik poznámek o pojmech slovní spojení, větná dvojice a syntagma* (1952) подробно анализирует разницу во взглядах ученых.

Я. Бауер обращается к истории изучения словосочетания, сравнивает идеи Й. Риса, Ф. Ф. Фортунатова, В. В. Виноградова и др. лингвистов. Говоря о чешском подходе к описанию и изучению словосочетания, Бауер перечисляет термины, которые использовались чешскими лингвистами для обозначения понятия *словосочетание*, это *slovní skupina, slovní výraz, sousloví*, позже с разработкой теории о синтагматическом членении речи по-

является термин *syntagma*, однако термин использовался как многозначный, а также часто выступал синонимом для других чешских (и словацких) терминов: «*Průruční slovník jazyka českého* klade rovnítko mezi *syntagma* a *větnou dvojicí* (...). *Syntagma* definuje jako „spojení slov, která tvoří významově i syntakticky vyšší jednotku, větná dvojice“. Termínu „*syntagma* neboli sklad“ užívá slovenská *Základná jazykovedná terminológia*, vydaná nedávno Slovenskou akademií věd a umění za redakce Št. Peciara (Bratislava 1952). Mezi syntaktickými termíny uvádí „sklad, syntagma“ s tímto dalším dělením: určovací sklad, determinatívna syntagma (*menný a slovesný určovací sklad neboli nominálna a verbálna determinatívna syntagma*); *priradovací sklad*, *koordinatívna syntagma*; *vetný sklad*, *predikatívna syntagma*. V určovacím skladu se rozlišuje člen nadřazený a podřazený nebo určený a určující. (Bauer, 1952, s. 38). Бауер считает, что из-за многозначности и неточности термина *syntagma* появляются новые термины – *větná dvojice* и *syntaktická dvojice* с четкой дефиницией: «Označuje se jím spojení dvou slov nebo výrazů, mezi nimiž je vztah určeného a určujícího (Bauer, 1952, s. 39). Termín *větná dvojice* byl pojat do *Jednotného školního názvosloví mluvnického*, vypracovaného podle návrhu České akademie věd a umění a závazného od škol. r. 1944/45 pro všechny školy. Je uveden v kapitole o větných členech a definován jako „spojení slov vztahem větným nebo syntaktickým“. Skládá se z členu řídicího a závislého; závislost se vyjadřuje shodou (kongruencí) nebo podřízeností (rekcí). Normalisované názvosloví ustaluje i význam termínů *sousloví* a *rčení*» (Bauer, 1952, s. 39).

V заключении статьи Бауер делает вывод, что по сути, авторы, использующие разные термины, говорят об одном и том же явлении, но описывают его с разных позиций: «Srovnáme-li všechny ty různé variace učení o slovních spojeních (slovních skupinách, spojeních slov, souslovích apod.), vycházejícího na Západě od Riese a v Rusku od Fortunatova, a učení o větných dvojicích (syntagmatech), k němuž dal podnět F. de Saussure, vidíme, že obojí pojednává v podstatě o téměř jazykovém jevu, o téže jazykové jednotce. Rozdíl je v tom, že učení o slovním spojení vychází vlastně od slova a zkoumá jeho rozvíjení v procesu tvoření věty, kdežto učení o větných dvojicích vychází z analýsy věty. Učení o slovních spojeních při tom často slovní spojení z věty abstrahuje, protože v něm vidí jednotku na větné stavbě, na větném vztahu přímo nezávislou, nebo lépe řečeno závislou jen nepřímou, jednotku, která do věty vstupuje hotová podobně jako slovo. (...) K větným dvojicím docházíme postupem opačným, analysou věty. Větné dvojice se vydělují a existují pouze ve větě a nelze je z ní dobře abstrahovat. To především proto, že větná dvojice, založená na vztahu určeného a určujícího, je vždy jen dvoučlenná, takže každý její člen může být i zároveň členem jiných větných dvojic; každý člen určený je zároveň určujícím v jiné dvojici s výjimkou jediného slova ve větě, které je absolutně určené a nezávislé (obvykle holý podmět). Při analýse

věty na větné dvojice jeví se nám větná stavba jako řetězec dvojic, vzájemně do sebe zapadajících; jeho začátek tvoří člen absolutně určovaný» (Bauer, 1952, s. 41–42).

Но несмотря на то, что речь идет об одном явлении, между терминами *slovní spojení* и *větná dvojice* нельзя ставить знак равенства: «Z gužného pohledu na spojování slov ve slovní spojení nebo ve větné dvojice vyplývá přirozeně i to, že se oba pojmy svým rozsahem a obsahem nekryjí. Slovní spojení se nazývá každé seskupení slov, spojených navzájem vztahem syntaktickým a významovým, ať už se navzájem určují, nebo ať jsou souřadná a pouze společně vstupují do predikačního nebo determinačního vztahu s jinými slovy nebo slovními spojeními, nebo konečně ať vznikají opakováním slov. Větnou dvojici ovšem takové souřadné spojení slov netvoří, neboť tu nejde o vztah určeného a určujícího (celé takové souřadné spojení bývá pouze jedním členem dvojice)» (Bauer, 1952), т. е. объем понятия *větná dvojice* меньше, чем *slovní spojení* за счет того, что в него не включаются однородные словосочетания. Статья Я. Бауера заканчивается русским резюме, в котором он указывает эквиваленты чешских терминов *slovní spojení* и *větná dvojice*, это соответственно *словосочетание* и *парное сочетание в предложении*. Если термин *словосочетание* хорошо знаком русскому читателю, то *парное сочетание в предложении* является новым термином, который впоследствии не закрепился в русистских работах.

В анализируемых чешских грамматиках мы столкнулись с терминами *skladební dvojice* и *syntagma*.

М. Грепл и П. Карлик (*Skladba spisovné češtiny*, 1986) пользуются синонимичными терминами *skladební dvojice* и *syntagma*. Интересно, что в тексте мы встречаемся с термином *skladební dvojice*, а в предметном указателе с термином *skladebná dvojice*. В этой грамматике находим крайне схематичное описание словосочетания: «Realizací subordinálního vztahu jedním z uvedených způsobů vyjádření vzniká skladební dvojice (syntagma)» (Grepl, Karlík, 1986, s. 202). Более подробно проблематика словосочетания не рассматривается. Из краткого определения ясно, что под словосочетанием понимаются сочетания слов на основе согласования, управления, примыкания, и что термины *skladební dvojice* и *syntagma* – синонимы.

В *Mluvnice češtiny* (3) авторы оперируют термином *syntagma*, определяют его следующим образом: «je to struktura skládající se z jednoho, nebo (jde-li o syntagma valenční) několika členů dominovaných a z členu bezprostředně dominujícího, avšak vždy na témž principu: např. *Čestný člověk, rychle běželi, se stra spala, brigáda překonala rekord, Jan oznámil rodičům sňatek / že se oženil*» (МČЗ, 1987, s. 18). Из определения и приведенных примеров следует, что под *синтагмой* подразумевается конструкция, построенная на подчинительных отношениях (есть главное и зависимое слово), что к синтагмам

относятся и сочетания подлежащего со сказуемым, что и целый ряд предложений можно назвать синтагмой. Авторы выделяют несколько типов синтагм: *valenční syntagma*, *rozvíté syntagma*; а также характеризуют синтагмы с точки зрения частеречной принадлежности главного слова: *substantivní syntagma*, *adjektivní syntagma*, *infinitivní syntagma*, *přechodníkové syntagma*, *syntagma predikátové* и другие.

Если говорить о сосуществовании этих синонимичных терминов в чешской грамматической традиции, то надо отметить, что параллельное функционирование терминов продолжается до настоящего времени, это нашло отражение в *NESČ*, где мы встречаем термины *syntagma* и *skladební dvojice*. Вот как определяют авторы *skladební dvojice*: «V školních mluvnicích dvojice holých (nerozvítených) větných členů, které jsou k sobě bezprostředně vázány syntaktickou závislostí; užívá se rovněž termínu **syntagma**. Ve větě *Téměř před naším domem postavili bohužel zedníci i maringotku* je **s. d.** tvořena výrazy [*zedníci – postavili*] (tzv. **základní skladební dvojice**: podmět – přísudek), [*postavili – maringotku*], [*postavili – před domem*], [*naším – domem*]. Výraz [*před domem*], [*téměř před*], [*i maringotku*] se za **s. d.** nepokládají, protože obsahují synsémantická (neplnovýznamová) slova, která v školních mluvnicích nejsou větnými členy, nebo „se neurčují“; příslovce *bohužel* taky není členem **s. d.**, protože jakožto větné příslovce se syntakticky i významově může vztahovat na různě velkou část struktury věty. (*NESČ*, *skladební dvojice*). Struktura skládající se z dependentu a z bezprostředně jej dominujícího regentu se (často) nazývá termínem *syntagma*, ve školní mluvnici *skladební dvojice*» (*NESČ*, *dominace*) (**s. d.** – skladební dvojice. Прим. О. Б.).

Авторы говорят о том, что эти термины – синонимы, однако если мы обратимся непосредственно к словарной статье *syntagma* в *NESČ*, то обнаружим, что объем понятия намного шире: «Pravidelná konkrétní textová kombinace minimálně dvou (a obvykle různých) prvků, resp. jednotek libovolné jedné roviny (fonologické, morfologické, lexikální, ale v syntaxi i klauzové), založená na jejich kompatibilitě, srov. *zelený papír*; s. je vytvářeno, generováno ad hoc, pro komunikativní potřeby chvíle. Na úrovni kombinace lexémové se mu říká kolokace. Pro každé s., které je obvykle jen binární povahy (pokud to je možné, lze řadu vícečlenných s. redukovat na binární), je závažné pořadí a textové sousedství. To však může být někdy porušeno, srov. *otec čte, otec prý čte*. Pro popis plné povahy je vedle délky s., počtu komponentů a pořadí důležitý i druh vztahu mezi komponenty a způsob jeho vyjádření (explicitně nebo implicitně). S. vytvářejí různě zřetelný textový celek, resp. textovou jednotku (na níž je postavena veškerá základní syntax), а pro jejich charakterizaci platí pravidlo *jak-tak i*. Typy s. jsou dány kombinatorickými možnostmi komponentů, на úrovni lexémové vedle kompatibility i jejich kolokabilitou» (*NESČ*, *syntagma*) (s. – syntagma. Прим. О. Б.).

Терминологическое разнообразие для обозначения понятия *словосочетание/синтагма* подчеркивает сложность данной синтаксической единицы, многообразие признаков, сочетающихся в ней.

2.4 Выводы

Теория словосочетания в работах чешских синтаксистов разработана не так детально, как в работах русских лингвистов. В работах русских синтаксистов словосочетание рассматривается как синтаксическая единица наравне с предложением.

Чешские русисты, следуя русской синтаксической традиции, используют термин *словосочетание*. В русских грамматиках используется устоявшийся термин *словосочетание*, в работах чешских богемистов мы встречаемся с разными терминами-синонимами и вариантами терминов (*slovní spojení, větná dvojice, skladební dvojice, skladebná dvojice* и др.). Многообразие терминов отражает разницу подходов лингвистов к описанию данной единицы.

В русской синтаксической традиции словосочетание понимается уже, чем в чешской, за рамки словосочетания вынесены сочетания слов, связанных сочинительной связью, и сочетания подлежащего со сказуемым. Чешские русисты следуют, скорее, чешской синтаксической традиции, включая в число словосочетаний синтаксические конструкции, построенные на сочинительной и предикативной связи.

Русский и чешский термины *синтагма* – *syntagma*, несмотря на внешнее сходство, не являются полными эквивалентами. Различие наблюдается как в объеме понятий, обозначаемых термином, так и на формальном уровне. Несмотря на то, что оба термина имеют одинаковое происхождение и восходят к гр. слову σύνταγμα, букв. «сопорядок», русский термин *синтагма* женского рода, чешский термин *syntagma* среднего рода.